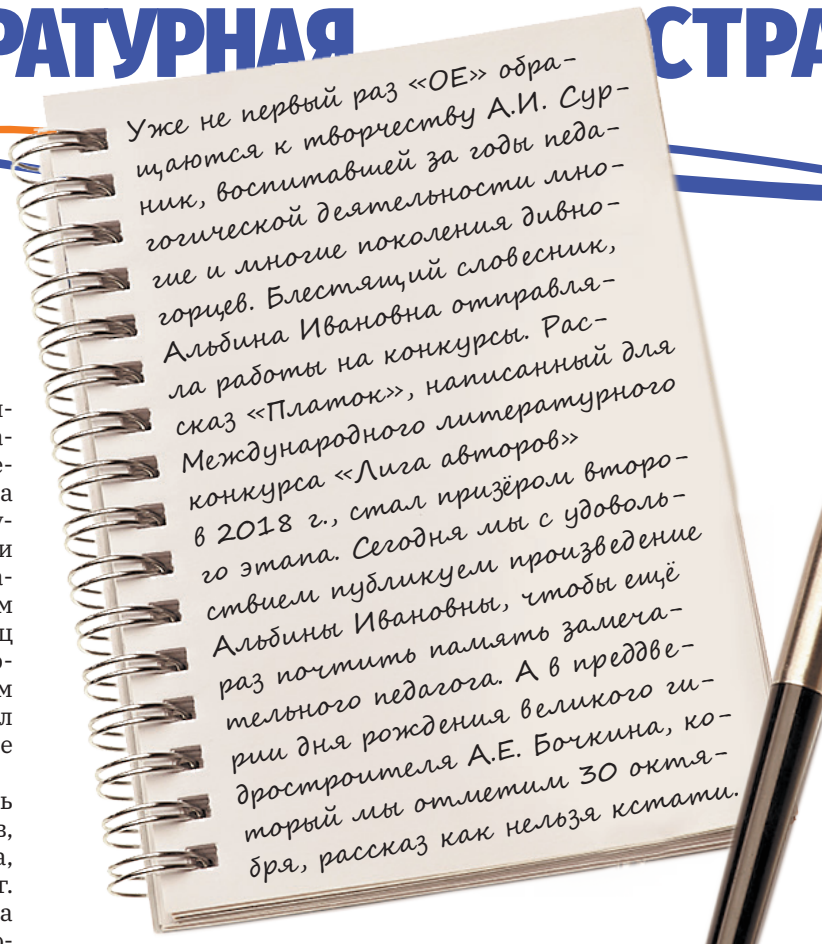
Огни Енисея
№ 44 (13498)
31 октября 2025 года

Платок

Судьба подарила мне счастье жить и работать, когда строилась величайшая в мире Красноярская ГЭС, дала возможность встреч с известными людьми.

Не раз приветствовала ручкой кортеж с «высокими лицами», мчащийся в сопровождении «мигалок». Метрах в ста от проезжающих, как и другие, помахала флажком Хо Ши Мину, Вальтеру Ульбрихту, Раулю Кастро. Едва заметным пятнышком среди сотни лиц строителей отмечена на фотографии моя встреча с Юрием Гагариным, когда он уложил первую лопату бетона в здание будущей ГЭС.

Борис Полевой, Петрусь Бровка, Константин Симонов, Максим Танк, актёры МХАТа, «Мосфильм», даже Мессинг. Годы стёрли обстоятельства встреч, оставив одно горделиво-хвастливое: я видела того-то. Но тот августовский день и деловое рандеву память сохранила до мельчайших подробностей.

Видимо, важная причина заставила Илью Львовича доверить врио (временное исполнение обязанностей) директора мне, неделю назад принятой на работу, и поспешно уехать, оставив перечень дел. В списке первой строкой – ремонт. Дело серьёзное, но для меня привычное. Поселковую «семилетку» в Шумихе (в зоне затопления) ремонтировали всем миром: вскладчину, безвозмездно, добровольно, многолюдно. С шутками-прибаутками, порой с песней управлялись за выходные.

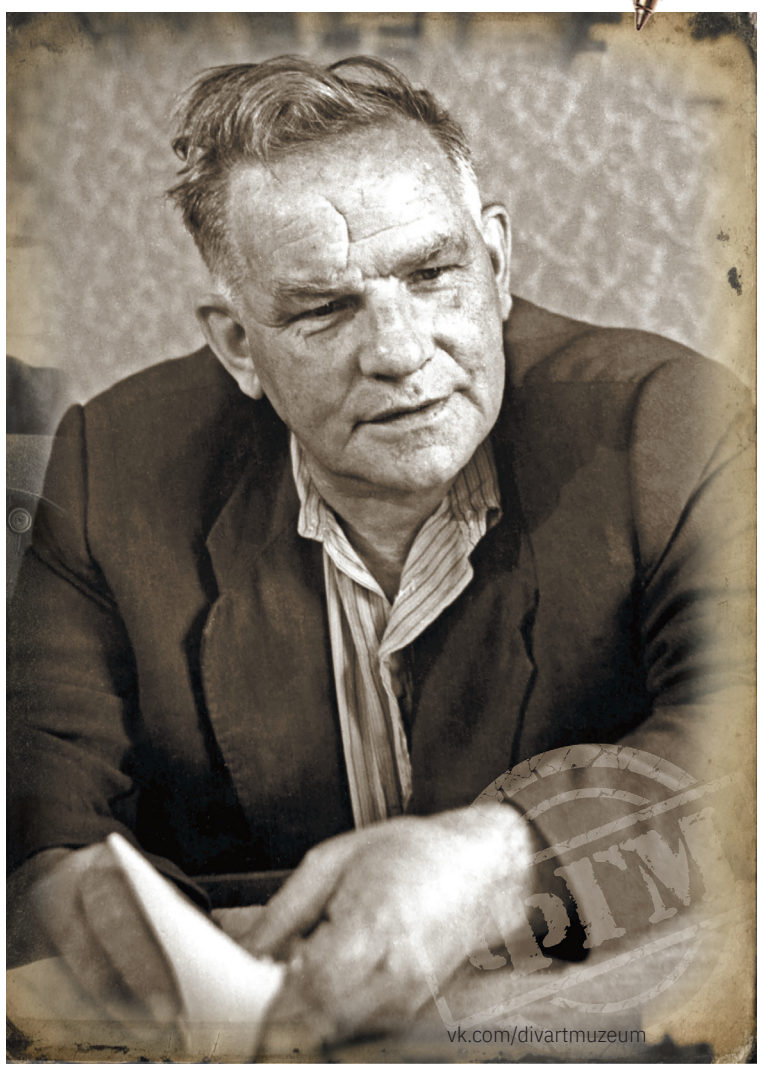
На прощание директор вручил приказ о назначении врио и на вопрос, когда начнётся ремонт, ответил: «На днях ждите. А если что – обращайтесь в Гражданстрой». С тем и откланялся.

Ремонт? Да справлюсь: на дивногорской земле живу десяток лет, Гражданстрой – солидная организация, да и школа не шумихинская развалюшка.

Напрасно прождав три дня, пошла в Гражданстрой, к начальству. Входили и выходили люди, несколько раз и я переступала порог заветного кабинета, но властный голос: «Подождите! Занят!» заставлял ретироваться. И все-таки меня приняли. На вопрос, когда начнется ремонт, начальник ответил, что «прояснит ситуацию» такой-то. Как я поняла, тоже начальник, но ниже рангом. Предупредил: «Только приходите пораньше, а то убежит на объект».

Ранним утром уже стояла у двери кабинета того, кто «прояснит». Он появился и на бегу – как обухом по голове: «Какой ремонт? У вас даже сметы нет!» Её, смету, никогда не видела: дело не учительское.

С известием об отсутствии сметы отправилась к завгороно. Услышав это, Нина Ивановна извинилась: «Мне сейчас не до того: второй день КРУ «шерстит» и с бумагами поспешила к ревизорам. Что делать? Пошла к экономисту. Получила выговор за некомпетентность да упрёк, что не даю работать. Хорошая оплеуха за самоуверенность! А тут ещё

«кадровичка» объяснила причину отъезда директора по-свойски: «Старый кобель. Ей двадцать. Тайно уехать! Ты не слыхала?» Да у меня в мыслях одна смета… Допустим, школа простоит без ремонта: работает немногим более пяти лет. А если что-то замкнёт-загорится, завоздушит-разморозится, забьётся-потечёт? Последствия – угроза здоровью и даже жизни детей, срыв учебного процесса. За это по головке не погладят. Найдут мальчика для битья, и будет мне «небо в клеточку» сроком до пяти лет, с возмещением материального ущерба.

Кому идти ещё? Осенило… Бочкин! Да! Бочкин! Эк куда хватила! Бочкин-то Андрей Ефимович – начальник КрасноярскГЭСстроя, Герой Социалистического Труда, человек-легенда, известный даже за рубежом, и я, врио, – дистанция огромного размера. Страшновато, хоть я не робкого десятка. Подбодрила себя: по лбу не даст. Конечно, я знала о нём, видела на праздничных торжествах то на трибуне, то сидящим в президиуме, но встречаться тет-а-тет не приходилось. Решено: сейчас же к Бочкину!

Секретарь, записав кто я и по какому вопросу, сказала, что его сегодня не будет, а завтра полпятого можно подойти.

Дома стала готовиться к встрече: легкий костюмчик, белые туфельки-лодочки, в руки – белую сумочку; перебрала варианты, как уложить длинную косу. Повернулась перед зеркалом раз-другой. Всё хорошо! Одно меня не устраивало и было поводом комплексов со школьной скамьи. Веснушки! Какая только борьба не велась с ними! Смазывание простоквашей, лимоном, огуречным соком делали лицо белее, а противные веснушки ещё заметнее.

В аптеке на мою просьбу дали самое эффективное отбеливающее средство. Результатов хотелось скорейших. Дома, распарив лицо, нанесла густую мазь довольно толстым слоем. Лицо стало жечь, но я крепилась. Когда жжение стало невыносимым, попробовала смыть, но липкая мазь прочно въелась в физиономию. Не дай Бог никому испытать такие танталовы муки даже во имя красоты! К утру лицо вспухло, кожа почернела, висела клочьями, оторвать их было невозможно – рановато. Да, «эффект»! Но припудрилась, подкрасила глаза, губы и отправилась на деловую встречу. Бедное моё лицо! Как назло, жара! Будто не прохладный август, как обычно в Сибири, а макушка лета. Выбирая тень, добралась до Управления ГЭСстроя.

Со словами «Она пришла» секретарь впустила меня в кабинет. Бочкин читал какую-то бумагу. На моё «Здравствуйте, Андрей Ефимович!», не отрываясь, предложил: «Проходи, садись поближе». С напускной смелостью прошла, села на стул, что стоял на расстоянии вытянутой руки, положила приказ, подтверждающий мои полномочия. «Слушаю!» – сказал он, продолжая сверять что-то с другой бумагой. Стала рассказывать о назначении меня врио, о неначатом ремонте, об отсутствии даже сметы. Он продолжал своё занятие. Обожгла мысль – зачем я здесь? Зачем сейчас, когда стройка закончена, ему, Бочкину, какой-то ремонт? Ведь есть Гражданстрой. Да он вроде и не слушает мои жалобы. «Что же делать теперь?» – спросила громко, ожидая ответа. Он отодвинул то, что читал-сверял, как-то внимательно посмотрел на меня и задал совершенно неожиданный вопрос: «Ты что такая облезлая? Обгорела на пожаре где-то?»

Неожиданность вопроса, неподдельная тревога за меня, «пострадавшую», какая-то теплота голоса – слёзы вдруг потекли по обожжённому лицу. Быстро открыла сумочку, чтобы достать платочек. Но его не было. Судорожно стала искать, но напрасно. Где, где этот злосчастный платок? «Возьми!» – Оторвалась от сумочки – Бочкин протягивал мне аккуратно сложенный свой платок. Ничего не соображая от растерянности, схватила его платок и стала вытирать лицо. Сквозь слёзы снова спросила: «Что? Что делать?» – «А пошли своего директора к чёртовой матери», – «посоветовал» Андрей Ефимович. И уже серьёзно: «С ремонтом, конечно, тянуть некуда. Надо начать немедленно. Начнём не-мед-ленно!» – повторил по слогам. Эти слова прекратили слёзы. Вопрос был решён, можно было уходить. Но что делать с платком? Взять? Вернуть? Я глядела на пятна от туши и помады, то складывая его, то расправляя. Будто прочитав мои мысли, сказал как-то буднично: «Платок? Шут с ним!» Ободрённая этой фразой, положила платок в сумочку. «Забери филькину грамоту!» – протянул мой приказ.

Последними словами бичевала себя – разревелась – позор! Нервы вроде крепкие, закалённые сиротским детством. Ни ремнём, ни дубьём не вышибешь слезинки. Только два раза в жизни плакала: в детстве – когда моя бабуленька ушла на тот свет, и в юности – когда умер Сталин. Хоть не зря сходила: кончится хождение по мукам! Он сказал: немедленно начать. Надежда есть, но… Недавно Государственная комиссия с оценкой «отлично» приняла Красноярскую ГЭС в промышленную эксплуатацию. Мавр сделал своё дело…

Всю ночь в голове смета и ремонт. Вроде бы только заснула, как током ударило: без четверти семь! В семь должна отпустить сторожа. Бегом – на работу!

«Долго спите, мадам! – приветствовал у дверей школы Марк, шапочно знакомый по общегородским комсомольским делам. – Устроили форс-мажор со своим ремонтом: почти конец рабочего дня – нате вам – «летучка»! Часа два «летучили»: сроки-то поджимают. Всем досталось. Мне – «Завтра в семь чтоб был на объекте!» Я на дыбы – мой рабочий день с восьми. Наш начальник пригрозил: Бочкин сказал «немедленно». Ну, раз Бочкин – я «под козырёк», другие – тоже». Не предполагала, что балагур Марк – инженер Гражданстроя; грамотный специалист: именно с его смет начинается всё, что строится и ремонтируется в городе.

Оперативность, с которой решился вопрос по смете и сам ремонт можно увидеть только в кино: смета составлена в кратчайшее время, бригады электриков, сантехников, плотников, маляров-штукатуров работали, как прежде на стройке, в три смены, да вдобавок аккордная оплата – объект был сдан в срок. Строгая комиссия приняла школу без претензий, что бывает нечасто.

Фаталистка, я убеждена: всё предопределено свыше: не случайно, в тот день у Андрея Ефимовича «не подскочило» давление и свежий платок оказался кстати, а свой в спешке, волнуясь, забыла дома.

Десятки деловых встреч будут у меня, как просителя, так и должностного лица. Короткое общение с Андреем Ефимовичем – урок на всю жизнь: коль человек пришёл с проблемой, протяни руку помощи, разруби гордиев узел, и нужно-то немного – внимание.

Кому-то талисманом служит ладанка с родной землицей, кому – амулет или освящённый предмет, а мой талисман – мужской платок, поданный в трудную минуту рукой мудрого Человека.

Альбина Сурник
Фото из архива филиала «Городской музей»